

Кожаный плащ с шикарной песцовой Копушкой на статной фигуре Маргариты сидел идеально, и сапоги — с последней распродажи. И сумка с жёлтыми металлическими бляшками — новая. Но, войдя в квартиру, взглянула Маргарита на себя в зеркало и губу прикусила, чтоб не разреветься. Швырнула сумку мимо тумбочки, сапоги у двери бросила.

— О! Наша мама чо-то не в духе! Сын, берегись, — попытался шутить супруг, вышедший ей навстречу.

Маргарита скользнула по лицу Григория холодным взглядом, отметив при этом слишком игривый блеск глаз мужа, видно уже приняв для настроения, наскоро запихнула плащ в шкаф и молча прошла мимо супруга, опустив голову и заметив по ходу его стёртые шлёпанцы на босу ногу. (Не хочет новые тапки надевать! Хоть кол на голове теши!)

— А ужинать? — не унимался Григорий, следуя за ней из передней на кухню. — Даже не обсуждается. У меня к твоим пирогам сазан получился — высший пилотаж! Если б не я, наследник до конца б его прикончил.

— Да не верь ты ему, мам! Это я от него сквородку прятал, чтоб последний кусок не стащил! — выглядывая из комнаты, поддержал игривый тон отца Максим, семнадцатилетний отрок с пышной шевелюрой и лёгким, ещё детским румянцем на круглых щеках.

— А коньяк ты от него не спрятал? — обронила Маргарита и пожалела об этом.

Григорий шутки не принял, взглянул строго:

— Это ещё зачем? Вон стоит. Можешь проверить.

— Тогда наливай! Ужинать не хочу, а стопарик выпью. Повод есть.

— Сама наливай, раз такая...

Муж отвернулся от неё и зашаркал из кухни в комнату, к дивану.

Она не стала спорить. Подошла к мойке, вымыла руки и долго тщательно вытирала их, разглядывая вафельное полотенце с китайскими иероглифами, будто пыталась прочитать написанное.

В кухню влетел сын, схватил с блюда на столе пирожок, куснул по-мужски — половину зараз, и с набитым ртом:

— Ма! Я к Мишке, фильмец заценю!

Светлана
МАКАРОВА-ГРИЦЕНКО

г. Краснодар

На что похоже время

рассказ

Маргарита наконец бросила полотенце, двинула табурет ближе к сыну, потянула его за рукав — Сядь, поешь спокойно!

Максим театрально вывернулся (вот уж папины замашки!) и жалобным голосом:

— Не, я лучше к Мишке возьму.

Она кивнула, сын сгрёб всё, что было на блюде, — как в руках поместилось! — и ринулся в переднюю.

— Стой! Кулёк хоть возьми! И чтобы я тебя не вызванивала. Через два часа — домой!

— Ну ма-а-а-а-а... — Дверь за сыном захлопнулась так быстро, что в пору заволноваться, не зашибло ли его...

Маргарита постояла в нерешительности, потом открыла дверцу шкафа, достала крохотную рюмку и початую бутылку с коричнево-золотой наклейкой. Коньяк был тёплым, но она с удовольствием задержала в горле дразнящее послевкусие: «Хороший коньяк Григорию подарили. Настоящий. Вера, наверное, только такой всю жизнь пила...»

Вера Абаринова с первого класса была лучшей подругой Маргариты. Обе они в то время — дылочки, на полголовы выше одноклассников, обе с косичками и бантиками, обе хохотушки. Только Маргарита в мелких веснушках на носу, а Вера — смуглолица. Маргарита — голубоглазая, с белёсыми бровками и густыми короткими ресницами, а у Веры — под длинными бровями огромные карие глаза.

До пятого класса подружки ходили круглыми отличницами. В старших классах с учёбой у Веры стало похуже, из отличниц она перешла в разряд хорошистов, а потом и тройки посыпались, особенно по физике. А всё потому, что Вера всё чаще пропускала школьные занятия — влюбилась в исторические романы. Про Айвенго, князя Серебряного, Анну Ярославну читала так — чтобы в удовольствие, не глядя на часы и не вспоминая про всякие мамины приказы вроде: «Ложись пораньше! Опять школу проспичь!» Бодрячок-будильник, заводимый родительской рукой перед уходом на работу, доверия Вериной мамы не оправдывал.

Маргарита же ревностно собирала в дневник пятёрки, перед концом четверти усердно высчитывала четвертные и не успокаивалась, по-

ка не выходило в табели «отлично» по всем предметам.

Обе девочки росли в семьях без отцов. Маргарита — единственная дочь Елизаветы Михайловны Гребцовой, передовой швеи фабрики «Салют», уважаемой на производстве мастерицы по пошиву женской одежды, однако так и не сумевшей привить дочери любовь к рукоделию. Зато Вера не раз обращалась к ней за советами.

В семье Абариновых на материнском попечении было трое детей. Ирина Николаевна, мать Веры и двух её братьев, имела высшее педагогическое образование, работала в Доме пионеров и, чтобы прокормить детей, тянула три ставки. Когда Вера в четырнадцать лет пришла на школьную дискотеку в модных брючках и маленьком кокетливом жилете, только Маргарита знала, как долго пришлось моднице перелицовывать ткань старого концертного платья, отпаривая, выглаживая её, а потом вышивать чёрным бисером жилет и клешёный низ брюк.

Несмотря на всё большую разницу в отношении к учёбе, ничто не могло помешать их дружбе. Обиды случались, но уже через короткое время обязательно находилась повод помириться. И Вера мчалась к Рите с новой книжкой или неподшитой юбкой, которую срочно нужно выровнять по длине. А Маргарита — рассказать подружке, как здорово разыграли физичку! И какая контрольная грядёт в ближайшие дни.

В младших классах они гоняли по улицам на велосипедах, ходили в библиотеку или целыми днями рисовали кукол и наряды для них. В старших — рисовали брови на лице Веры, потому что собственные она сбрила, вычитав где-то, что так поступали все знаменитые красавицы начала прошлого века. Вера любила задавать неожиданные вопросы и озадачивать ими подругу. Маргарита охотно включалась.

— Рит, а что для тебя время? Вот на что оно похоже из окружающего? С чем бы ты его сравнила?

— С песком, который сыплется сквозь маленькую дырочку.

— Фи. Как банально. Песочные часы, что ли? Это и дурак скажет.

— Ну и на что похоже время? — скептически угрожающе вопрошала Рита.

— На крысу!

— ЧТО???

— Так считали древние индусы.

— Да не ври ты! — хохотала Рита, и, не в силах сдержаться, вслед за ней покатывалась со смеху Вера.

— Вот представь себе, невежда, время — это крыса! Почитай древнюю книгу Махабхарата.

Им всегда было весело вдвоём. Спорили, что важнее для человека — любовь или дружба. И загадывали будущее, каким оно будет и какими они станут...

И ни одна из них не могла предположить, что после окончания школы они потеряют друг друга на тридцать лет. Маргарита и Вера не встречались, не переписывались, почти ничего не знали друг о друге. Маргарита не покидала родной городок на Кубани, Вера стала москвичкой. И вот однажды в воскресное утро в квартире Маргариты раздался телефонный звонок:

— Ритуль, это я, Веруська. Да! Конечно! Бывшая Абаринова... Я так хочу увидеться! Ты сможешь сегодня? Давай вечером в кафешке! Как раньше, у школы...

В «Блинную» Маргарита шла как на экзамен. За эти годы она не один раз представляла, как увидится с подругой. В их маленьком городке, то и дело оказываясь рядом с кафе или проходя мимо школы, мимо углового двухэтажного дома, где жили Абариновы, загадывала, сможет ли когда-нибудь поговорить со школьной подругой. Потом её терзания переросли в стойкое убеждение: не нужно больше думать о Вере, не нужно вспоминать про неё... А всё потому, что не сложились больше ни с кем из знакомых такие доверительные отношения, какие были с Верой, которая ушла когда-то, наскоро попрощавшись.

— Так и будешь с бутылкой в обнимку всю ночь сидеть?

Маргарита вздрогнула от голоса мужа — и неожиданно просияла ему навстречу:

— Гришунь, ну не ворчи, а возьми рюмочку, посиди со мной. Знаешь, какой вечер сегодня! Я его тридцать лет ждала...

Григорий недоверчиво хмыкнул, но рюмку достал, сел за стол, подождал, пока Маргарита разольёт коньяк, вздохнул:

— С этого момента поподробнее и обязательно опиши внешность.

— Кого?

— Того самого типа, которого ты тридцать лет ждала, и... хватило ж тебе совести передо мной в этом признаться!

— Гриш, я серьёзно. Я ведь с Верой сегодня встречалась. Помнишь, рассказывала тебе о своей подруге детства?

— Которая уехала из города, влюбившись до потери сознания? Ты ещё так хотела увидеть этого Вадима хотя бы на фотографии...

Маргарита кивнула и подвинулась ближе к мужу. Сжала, не отпускала его руку. Если б Григорий мог представить, что значило для неё тогда лишиться Веры...

После окончания школы Маргарита поступила в университет на социологический, а Вера — на факультет промышленного дизайна. Она училась на очном отделении института, Маргарита же после первого курса перевелась на заочку: к тому времени тяжело заболела мама. И с тех самых пор жизнь начала свою проверку надёжности Маргаритиных плеч.

Работала лаборанткой на факультете. Чтобы обеспечить большую лекарствами, по вечерам мыла посуду в кафе «Серебряный дождь», которое располагалось в подвале старинного двухэтажного дома, а дом этот считался памятником архитектуры начала прошлого века. Мало того, что за кафе закрепилась дурная слава, мол, только мужской пол там собирается (Маргарита чувствовала себя неуютно среди ломучих официантов и поваров), но и комитет по охране памятников постоянно устраивал проверки, как правило, в виде бесплатных корпоративов. Лишь на хозяина кафе, который метался между бандитами и чиновниками, одинаково разоряющими его бизнес, Маргарита смотрела с сочувствием. В ответ бывший главный конструктор машиностроительного завода в конце её рабочей смены тихонько совал ей пакет с продуктами: «Это маме, в больницу...»

Через три месяца, в самую короткую летнюю ночь, кафе сожгли. Запах гари, казалось, впитался даже в раскалённые камни мостовой вокруг здания. На следующий день после пожара, с тру-

дом отворив старинную дубовую дверь, Маргарита вошла внутрь и застыла у лестницы, ведущей в подвал, ступени которой вместе со стенами ещё вчера были обтянуты велюровым ультрамарином, а сегодня — лишь оголённый бетон в грязных клочьях пожарной пены. Не узнавая помещения, сделала несколько шагов, спустилась до середины лестницы. В открывшемся проёме по всему полу смоляные лужи, вместо лучистых электрических нитей — махровая сажа стен, точно в могилу заглянула...

А через месяц Маргарита смотрела уже в настоящую могилу. В глиняную яму опускали мамин фанерный гробик, обитый красным сатином. Десятка полтора бывших работниц давно обанкроченной швейной фабрики «Салют», в очередь бросив по горсти земли, накрыли затем быстро подсыхающий на жарком солнце холмик поминальным венком. И Маргарита положила на могилу жёсткие бумажные розы рядом с казённой табличкой «Елизавета Михайловна Гребцова 03.01.1946 — 23.07.1995».

А в это время Вера Абарина отдыхала у родственников в маленьком черноморском посёлке, там она и встретила своего москвича. Крепыш с гагаринской улыбкой, Вадим окончательно покорила её тем, что оказался студентом историко-архивного университета и знал всё про Айвенго, князя Серебряного и Анну Ярославну, королеву Франции. В родной город Вера вернулась невестой. Но лишь затем, чтобы представить Вадима семье и собрать вещи. Вадим увозил Веру в Москву.

А Маргарита узнала об этом чуть ли не последней, когда Вера заскочила к ней попрощаться. «Неужели она не понимает, что значит потерять маму и остаться без подруги?..» — у Маргариты щипало глаза, чтобы скрыть это, она поднимала брови и хлопала ресницами, будто удивлялась каждому слову тараторившей подруги. «Конечно, в книжках существует любовь с первого взгляда. Но ведь не в жизни такая любовь, а в книжках про благородных рыцарей», — хотелось ей остановить Веру, но она только слушала.

А каждая фраза Веры начиналась с имени Вадим. Верочка не могла остановиться, перечисляя достоинства своего избранника, из которых Маргариту резануло:

— С ним так интересно и весело! Он столько знает!

«Конечно... а мне завтра поминки девятидневные собирать ...»

— ...Знаешь, Гриш, этот самый Вадим действительно оказался главным для Веры. Самым-самым главным и нужным человеком на земле. Она так сказала. И всю жизнь они вместе... да. Тридцать лет.

— А чего вздыхаешь? Значит, осталось им ещё три года — и как в сказке: «Жили старикан со старушенцией ровно тридцать лет и три года и нажили дырявое корыто...»

— Да не ёрничай ты! Я серьёзно с тобой разговариваю.

Маргарита отбросила руку мужа, а он замер, точно ударившись...

— Я тебя такой давно не видел.

— А я устала от твоих театральных замашек! У меня тоже есть нервы! Я не лицедействую, а пытаюсь рассказать тебе о себе, слышишь?

— Тише-тише-тише... вот это уже лишнее, вот этого не надо! Я ж не знал, что вы с Верой, как Ахилл и Патрокл... нет, как Эвтидик и Дамон. Помнишь, про них у Лукиниана? Эвтидик бросился в море спасать своего друга Дамона, того в бурю смыло с кормы корабля — верная смерть обоим... — Муж вздохнул, погладил её по плечу: — ... Эвтидик и Дамон спаслись. Даст бог, и вы с Верой заново подружитесь.

Маргарита снова отстранилась от мужа:

— Опять смеёшься? Ну при чём здесь твой Лукиниан?! — она даже покраснела от возмущения. — Вера в море не кидалась. Хотя... я б на её месте, наверно, не выжила! И без Веры я бы не выжила...

Кажется, Маргарита испугалась произнесённых слов. Разве не пыталась она, измаявшись одиночеством после смерти матери и скоропалительного замужества подруги, забыть её? Даже имя «Вера» бросало её в дрожь.

Чем больше проходило времени после Веринго отъезда в Москву, тем твёрже Маргарита осознавала предательство подруги. «Ну как она могла так со мной?! В мою самую страшную минуту...»

Маргарита работала на кафедре социологичес-

кого факультета, с утра до вечера носилась со списками, распоряжениями, программами, ныряя из одного аврала в другой по причине переаттестации университета. По вечерам возвращалась в пустую квартиру и после короткого ужина забиралась на диван, обложившись книжками, начинала делать выписки для курсовой, но уже через полчаса засыпала от усталости. Её научный руководитель, декан факультета Вячеслав Петрович Чувашов (рассудительно-спокойный сидящий брюнет с длинным сухим лицом, мягкой линией плеч и по-крестьянски широкими большими ладонями, возможно по этой причине руки во время разговора он держал за спиной) определил тему, обещавшую перерасти в будущую дипломную работу: «Проблемы маргинальности в современной России».

— Н-да, Риточка, — многозначительно произнёс он, и усталые серые глаза его сощурились, словно взглянули внутрь себя, — таковы нынешние реалии. Число маргиналов увеличивается. Всё это результаты кризиса. Беда только, что в случае маргинального человека период кризиса относительно непрерывный. Вот мы и имеем тенденцию превращения личности в тип... Тема актуальная и многогранная. Будем работать. Для начала почитайте американцев Парка и Стоунквиста. И сравните с европейской традицией определения маргинальности. Вот задача вашей курсовой работы.

Но не только курсовая занимала Маргариту, одновременно она не могла не вспоминать и то, что касалось опять же Вячеслава Петровича: вот уже месяц намёки и шушуканье за спиной преследовали Маргариту.

Начал «песню» Арсений Савельевич, шестидесятилетний профессор и виагровый ловелас, которого знали в городке как облупленного. Вдруг проникся он особым чувством к Рите и стал «открывать» ей глаза. Каждый раз, заходя в кабинет, где сидела девушка, он, по-лисий улыбаясь, приглаживал редкие волосы на макушке и начинал с вопроса: «Ну как? Вячеслав Петрович уже объяснился?» Видя недоумение на лице лаборантки, продолжал доверительным шёпотом: «Вся кафедра об этом говорит! Декан в вас влюблён! Ну как же вы не замечаете? Или вы такая бессердечная?!»

Она бы не прислушивалась к его речам, если

б к Арсению Савельевичу не присоединились некоторые преподаватели кафедры, вслед за ним они повторяли: «Маргарита, наш декан в вас влюблён!..»

Словосочетание «влюблён в вас», оказалось, имеет над человеком реальную власть. Вначале Маргарита не понимала этого, но постепенно под воздействием хора «доброжелателей» «влюблён в вас» стало менять её отношение к Вячеславу Петровичу.

Впрочем, независимо от мыслей и переживаний Маргариты, всё активнее менялась окружающая жизнь. Взлетали цены, бесконечно чередовались премьер-министры, в скверах пили палёную водку юные ветераны необъявленных войн.

С каждым днём всё больше страшилась Маргарита своей незащищённости и острее чувствовала одиночество. «Влюблён в вас» вживлялось в неё, сопровождаемое страхом: неужели это и есть первое чувство к мужчине? Маргарита пыталась разобраться в себе, выстраивать, обдумывать свою дальнейшую жизнь — и не могла определиться. И хотя всё больше места Вячеслав Петрович занимал в мыслях Маргариты, никаких шагов к изменениям в отношениях декана и лаборантки она не делала.

Чувашов же становился более галантен. Несколько раз он подвозил её на своей старенькой, но очень ухоженной «Волге». И подчёркнуто вежливо прощался у подъезда, а Маргарита, чтобы на следующий день у неё был повод обратиться к декану, бежала домой писать курсовую. Погружаясь в проблему маргинальности в России, она и у себя самой обнаруживала ощущение неприспособленности, неудачливости и ещё «беспокойство, тревожность, внутреннее напряжение» — всё то, чем и определяется маргинальность... «Если так пойдёт дальше, недалеко до отчаяния. Может, все влюблённые — маргиналы? Но при чём тогда разрушение «жизненной организации, бессмысленность существования...».

Увы, и эти определения не были чужды Маргарите: страна всё больше впадала в кризис. «Может, он специально дал тему? Увидел, что я внутри проблемы... И треплет из жалости за щёчку».

«Воспитывайте в себе учёного, не ленитесь исследовать жизнь, будьте наблюдательны!» — говорил ей Вячеслав Петрович. Она наблюдала.

Под прицелом поставленной темы маргиналы встречались ей на каждом шагу.

— Понимаете, Вячеслав Петрович, мы живём в стране маргиналов! Я уже себя иначе как стопроцентную маргиналку не ощущаю! У меня крыша едет от бомжей, нищих, безработных, от никому не нужных инженеров, учёных, токарей-слесарей высшей квалификации, от художников без холстов, красок и мастерских!

— С художниками поосторожней. Трагизм здесь усиливается тем, что от лжепророков культура их отличить не в состоянии. От тех, кто «заблудился» сам и даёт ложные ориентиры другим. А это, да будет вам известно, — дезориентация, и она разлагает культуру. Но, увы, для различения пророков и лжепророков у культуры надёжного критерия нет. Так что, дорогая моя, вы не должны терять разум. Помните, что все процессы имеют свой корень во времени. Исходите из этого!

Корень во времени... Пришёл день, и грянул гром, возросший из того самого корня. Всё случилось после командировки, в которой Вячеслав Петрович был вместе с юной лаборанткой. По дороге в соседнюю область, где должна была состояться очередная социологическая конференция, институтский «жигулёнок» вдруг зачихал, шофёр едва успел вывернуть на обочину, как он испустил клуб дыма и замер.

Шофёр остался возиться с двигателем, а Вячеслав Петрович и Маргарита двинулись по прилегающей полевой дороге, обсаженной пирамидальными тополями, в сторону живописно раскинувшейся на лысом холме деревушки. Вечерело. Из труб поднимались дымы, во дворах мычал и блеял скот, и казалось, что в каждом доме хозяйки выставляют на ужинный стол картошку, солёные огурцы и кринки со сметаной.

Невозможно представить более удобных обстоятельств для сближения мужчины и женщины, чем те, в которых оказались преподаватель и студентка. В голове у Маргариты стучало: «Он любит. Вячеслав Петрович любит меня! Об этом знает вся кафедра. И наверняка поломка машины подстроена нарочно!»

По невероятной телепатической связи эти её мысли услышал и Арсений Савельевич, тот самый ловелас и пройдоха, убеждавший коллег в любовной связи декана и студентки. Он слово в

слово повторил, мол, никакой поломки не было, на заседании кафедры, бросая в лицо Вячеслава Петровича, что подобное поведение несовместимо с занимаемой им должностью.

— Вы должны написать заявление по собственному желанию! Вы не можете больше возглавлять кафедру. Шофёр рассказал, чем вы там занимались, вместо того чтобы защищать честь университета на конференции! И это во время аттестации вуза!.. У меня есть доказательства! Я не бросаю слов на ветер! — захлёбывался Арсений Савельевич.

Скандал принял невероятные размеры. Супруга Вячеслава Петровича принесла и бросила в лицо Маргариты любовные письма, якобы написанные ею. Сам Вячеслав Петрович подтвердил, что получал их регулярно... И тогда стало понятно: Маргариту использовали ради смещения декана с должности. Но могла ли она признаться ему, что не писала писем? Значит — не любила, и там, в глухой деревушке, их страстные поцелуи — лишь заранее придуманное в чужой голове коварство...

«Если я признаюсь, что никогда не писала этих писем, Чувашов останется в полном одиночестве и не выдержит ударов ... и его жена всё равно не поверит мне, и никто не поверит, потому что они все сговорились!»

А события развивались с космической скоростью. Вячеслава Петровича уволили, кафедру вскоре закрыли, и все помещения передали в собственность юридической фирмы, возглавляемой племянником Арсения Савельевича. Сам он, как потом узнала Маргарита, в результате всей этой аферы получил квартиру в центре города.

Супруга Чувашова в праведном гневе выгнала безработного Вячеслава Петровича из дома. И он переехал к Маргарите.

В тот год зима на Кубани выдалась ветреной и дождливой. Мелкие холодные струи текли и текли по оконному стеклу... Медленно. Как минуты и часы. Вячеслав Петрович ссутулился, ещё больше поседел.

— Не надо бояться конца жизни. Намного страшнее, если жизнь так и не началась... Мы не успели достроить дом — а его разрушили. И кто?.. Знаете, Рита, таких людей, как Арсений, будет всё больше... А я — старый идиот!..

Маргарита боялась его откровений. В такие минуты он снова говорил ей «вы». И было понятно, что выстроить новую жизнь пытаются два чужих друг другу человека.

— То, что случилось со мной и моей кафедрой, лишь маленькая копия происходящего со страной. Частичка процесса, вы слышите? Необратимого разграбления и осквернения... Я должен был... глупец!

«Ты должен... жениться на мне, — Маргарита грустно улыбалась собственным мыслям. — Должен... но был...»

Через полгода Вячеслав Петрович умер от инсульта на её кухне в тот момент, когда она сдавала в ломбард его золотые дарственные часы. На похоронах, прожигаемая взглядами родственников и бывших коллег покойного, Маргарита не посмела приблизиться к обитому синим бархатом гробу.

— Ну чего ты ревёшь, — Григорий приобнял Маргариту за талию, потянул к себе, — я же рядом!

Жена отстранилась, всхлинула.

— Может, всё-таки поужинаешь? — Григорий подошёл к плите, приподнял запотевшую крышку: — Ты только понохай! Я ж для тебя старался.

Пока Маргарита, продолжая изредка всхлипывать, разбиралась с сазаньими косточками, Григорий запаривал чай, доставал варенье, вафли и пытался отвлечь-развлечь жену:

— Мадам, у вас явно больной вид, неужели вас так опечалили увядшие розы, которые стоят в спальне с прошлогоднего Восьмого марта? Или ты поняла наконец, какое несчастье не быть муми-троллем, пробудившимся ото сна и пляшущим в зеркально-зелёных волнах, пока восходит солнце? А может, случилось банальное отравление? Чем, если не секрет?

— Реальностью, — Маргарита отложила вилку и улыбнулась.

— Ваша реальность ядовитой несбыточной мечты о мумитроллевом счастье?

— Вернуться бы в детство, когда по-настоящему счастлив был оттого, что тебя просто выпустили гулять на улицу... с Верой.

— А ещё с Надеждой и Любовью, — Григорий понимающе хмыкнул, чуть помедлив, повернулся к выключателю и щёлкнул клавишей —

жидкий полумрак сузил пространство. Чиркнул спичкой — огонёк свечи вырос в толстом стеклянном подсвечнике, который держали на кухне для задумчивых бесед-чаепитий и на случай отключения электроэнергии.

— Ну и кого ты ещё сегодня вспомнишь, кроме своей Веры? — закручивая воображаемые усы, муж встал рядом.

Она ткнулась виском в его живот:

— Да помню, помню... но не так, как ты себе думаешь. Меня покорила не твой орлиный взор, а пламенная речь. И если б ты не говорил тогда о маргиналах...

— Ритка, ты же знаешь, если б не наша встреча... Да мы бы оба уже умерли! Я говорил свою речь после того, как режиссёр водрузил на сцене широчайшую скрипучую кровать, а ставили «Женитьбу» Гоголя, и решил наш Ник Ник на этой кровати «пробовать» женихов. Это называлось «новое прочтение классики». Для показа прыщавым школьникам.

— А ты грудью закрыл... И тебя уволили из театра. И ты кричал, что со времён Антисфена Афинского, со времён киников... короче, полный бред.

— А вот тут и видно твоё заушное образование! Иначе ты бы не забыла, что именно киники призывали избавляться от всего лишнего и бесполезного. Для достижения блага следует жить, сочетая и простоту жизни, и презрение к условностям, а ещё верность и храбрость!

Уж про храбрость Маргарите напоминать не надо. Интервью с опальным художником газеты, в которую после смерти Вячеслава Петровича Чувашова устроилась работать журналисткой Маргарита, разместила почти на разворот, и оно наделало тогда много шума в их городке. «Новое прочтение классики» удалось отменить, кровать сдали в утиль. Но художнику, засветившему закулиссе, путь в любой театр был закрыт. И как они вместе с Григорием сочетали тогда простоту жизни и небрежение ко всяким житейским благам, Маргарита помнила очень хорошо.

Потому и вырядилась сегодня в новые сапоги, чтоб перед Верой лицом в грязь не ударить. Ведь по давнишним рассказам матери подруги, с ней они иногда сталкивались в городе, Вадим, муж Веры, работая в Министерстве транспорта, с

первых перестроечных лет уверенно пошёл в гору. Он сумел стать во главе большой транспортной компании, доставляющей грузы для дальнего Севера, как только представилась возможность приватизировать предприятие.

— Между прочим, в эпоху классицизма маргиналом был объявлен даже Шекспир! Так что такие мы, маргиналы, люди дна и обитатели окраин...

— Гриш, не дави интеллектом, а?! Мне сегодня...

Она не договорила, потому что и сама не понимала, что нужно сказать мужу и как объяснить, что же на самом деле случилось сегодня...

— А я чаю ещё хочу! — Маргарита успела опередить вопрос мужа, и он коротко, но выразительно вздохнул:

— Мне уйти? Не хочешь ничего рассказывать?

— Моя мама Веру очень жалела, потому что она слабая.

— А ты здесь при чём?

— Вот сегодня я вырядилась, как индийская принцесса, и поёрляла на встречу в кафе! А Вера даже не взглянула на мои наряды. Ахнула, прижалась ко мне!.. Худенькая, слабая... Знаешь, давным-давно Вера рассказывала, что по индусским верованиям время — это крыса. Тогда мы смеялись, а сегодня плакали. — Маргарита встала из-за стола. — Ты сейчас сам всё поймёшь, сейчас!

Она быстро вышла из кухни и вернулась с потёртой книжкой в руках:

— Вот, прочти, — щёлкнула выключателем, слегка поморщившись от яркого света, протянула мужу раскрытую на закладке страницу. — А я пока посуду уберу. Поздно уже...

— Любопытно...

Григорий глянул название — «Махабхарата». На титульном листе дарственная надпись: «Риточке от Веруськи. С Новым 1980 годом!» Пробежал по заложённой странице: «...отшельник ... Джараткару питался воздухом и воздерживался от еды». Григорий привычно попытался подобрать шутовую рифму к заикастому названию книги, но взглянул на серьёзное лицо жены и продолжил уже внимательно:

«Однажды отшельник тот увидел своих предков, которые висели в яме вниз головами, держась за стебель травы, от которого осталось одно

только волокно, и крысу, поселившуюся в яме, которая медленно поедала то волокно. Подойдя к ним, висевшим в яме без пищи, жаждущим избавления, Джараткару с печальным видом сказал им: «Кто вы, висающие здесь, держащиеся за стебель травы? Какую услугу я могу оказать вам?»

И ответили ему предки: «О преуспевающий, ты желаешь спасти нас. У нас тоже, о сын, есть плоды подвигов, но вследствие утраты потомства мы низвергаемся в нечистый ад. Мы риши, соблюдавшие суровый обет. Наши заслуги, достигнутые при помощи подвигов, еще не иссякли, ибо у нас всё ещё остается нить. Но у нас теперь только одна нить, да и та такая, как будто её нет. Есть в роду у нас один родственник Джараткару, несчастный из несчастнейших. Он полностью изучил веды, обуздал свою душу. Он великодушен, усердно соблюдает обет и занят великими подвигами. Но нет у него ни супруги, ни сына и никакого родственника. Поэтому мы, лишенные рассудка, висим в яме как беззащитные. Стебель травы, на котором, как ты видишь, мы держимся, — был нашим родословным стволом, увеличивавшим наш род. А корни этого ползучего растения — это наши потомки, съеденные временем. А крыса, которую ты видишь, — это Время, обладающее великою силой. Оно, медленно толкая, постепенно ослабляет нашего Джараткару, находящего радость только в подвигах, польщённого подвижничеством, малодушного и бесчувственного. Чтобы защитить нас, пусть он возьмёт себе жену и произведет сыновей!..»

Григорий положил тяжёлую книгу на край стола, и Маргарита, закончившая с посудой, обернулась к нему:

— Прочёл?

— Угу.

Она погасила свет, и в это же время пламя свечи в подсвечнике нервно задёргалось. Муждунул — свеча погасла. Темнота плотно укрыла комнату, и только в проёме окна, в синей дымке, светились огоньки ночного города.

— Н-да... Любопытно... Это Верочка прочитала тебе ещё в юности? Уже в те годы она думала о потомках? Правильно, конечно, девушка должна об этом думать. Но в то же время получается, что никакой духовной жизни не надо? Главное — размножаться?! А у Веры с Вадимом, похоже, нет сына?..

— Есть. Единственный. Антон. Три года назад он ушёл в монастырь и перестал общаться с родителями. Вернее, перестал общаться с отцом, а Вадим запретил Вере даже вспоминать о сыне... Вадим ведь колотил состояние для наследника, ничего не пропускал, коли в руки плыло. И вот сейчас Вера с мужем живут на две страны, квартиры у них и в Москве, и в Германии, замок на Рублёвке, дом в Сочи, отдыхают в Ницце, встречают Рождество в Вене. А сын свои монастырские стены за три года ни разу не покидал... Вот крыса-время и точит последний тонкий корешок...

— Н-да... от нечего делать в монастырь не уходят. Довели парня! Как говорится, это слишком неправдоподобно, чтобы быть придуманным. Но лучше скажи, чего ты-то весь вечер страдаешь?

Маргарита ответила не сразу.

— Гриш, ты помнишь, как у скифов выбирали друга? При свидетелях клялись, и до конца дней они были одним целым! А я ведь на Веру всю жизнь губы дула. Даже ненавидела! Предательницей её считала за то, что она моего горя в своём счастье не заметила. Тридцать лет на неё злилась. А сегодня поняла, что мне бы за Верочку все эти годы молиться нужно было! Какая страшная судьба: подумать только — мать лишили живого сына! Разве ей оно нужно — это богатство, если Вера призналась, что порой и не знает — кто она? Хозяйка, прислуга, приживалка?

— ...Н-да, — Григорий, не зная, что ответить, прошаркал к мойке, зачем-то пустил воду, потом

накрепко закрутил кран. И повернулся к жене — видно, додумал мысль:

— А здесь, Ритка, твоя правда. Любишь — надо прощать, вот какая штука.

Маргарита обречённо кивнула, сгорбилась:

— Любила, ревновала... И ещё завидовала очень. Точно завидовала!

Григорий тихонько обнял её за плечи и коснулся губами уха: «Мать, ты уж на себя не наговаривай. И пойдём-ка спать. Поздно уже».

В передней послышались осторожные звуки, звяканье ключа, шарканье. Супруги переглянулись — ага, сын крался из гостей, боясь быть услышанным родителями. Григорий с размаху клацнул выключателем — ослепительный свет залил кухню, широким потоком захватив переднюю с застигнутым врасплох Максимом. После короткой немой сцены ребёнок промямлил что-то в своё оправдание и под строгими родительскими взглядами поспешил было в постель.

— погоди! — Маргарита остановила его в дверях, — что-то у тебя тут...

Ей так захотелось прикоснуться к нему! Быстрым движением она провела по щеке мальчика, поправила воротник рубашки, коснувшись цепочки с крестиком. — Облегчённо выдохнула: — Извини, показалось... Ложись поскорей. Спокойной ночи!

Сама Маргарита долго не могла уснуть. Кажалось, что кто-то еле слышно шуршит в углу, скребётся. Точно крыса...

□

Светлана Николаевна МАКАРОВА

Прозаик, поэт, журналист.

Родилась в станице Новопокровской Краснодарского края.

Окончила Кубанский государственный университет.

Публиковалась в журналах «Наш современник»,

«Роман-журнал 21 век», «Медный всадник»,

«Земляки», «Дон», «Кубань», и др.

Автор книг «Птицы из стаи турманов», «Хрустальная дочь»,

«Дождь в крупную клетку», «Мир вращается» и др.

Лауреат литературной премии им. М.Н. Алексеева,

кавалер «Золотого ордена «За служение искусству».

Член Союза писателей России, Секретарь Союза писателей России,

возглавляет Краснодарское отделение Союза писателей России.

Живет в Краснодаре.

